

Черная армія.

Рождественская сказка.

I.

Наборщики ушли изъ типографіи раньше обыкновеннаго, потому что наступалъ Новый годъ. Въ типографіи оставался одинъ старичокъ-метранпажъ, который долго возился у своей конторки, приводя въ порядокъ разныя бумаги. Ему тоже нужно было уходить домой, но онъ по обычаю медлилъ, крехтѣлъ и долго ворчалъ себѣ подъ носъ:

— Удивительно, чему радуются люди... «Новый годъ, Новый годъ... Съ Новымъ годомъ!» Годъ-то новый, а работа останется старая... Тоже, придумаютъ люди. Охъ-хо-хо!

Когда столъ былъ прибранъ, старикъ обошелъ всю типографію. Машины стояли неподвижно, въ кассѣ было тихо, пахло типографской краской и мокрой бумагой.

— Кажется, теперь все въ порядкѣ? — говорилъ онъ, оглядывая всю типографію въ послѣдній разъ.

Старикъ дошелъ до передней, постоялъ на порогѣ и еще разъ оглянулся. Въ передней на деревянной лавочкѣ мирно похрапывалъ сторожъ Андреичъ, обладавшій счастливой способностью спать сколько угодно и когда угодно. Метранпажъ его разбудилъ.

— Ты у меня смотри, чтобы все въ порядкѣ,—говорилъ онъ, надѣвая старенькое, какъ самъ онъ, пальто.

— Ужъ, кажется, стараемся, Павелъ Ивановичъ...—отвѣтилъ Андреичъ, зѣвая такъ, что челюсти хрустнули.—Вотъ какъ стараемся и день, и ночь. Прямо сказать: умереть некогда...

— Смотри, бока не пролежи...

Хлопнула дверь за метранпажемъ; Андреичъ еще разъ зѣвнулъ, поворчалъ и повалился на свою лавочку, какъ зарѣзанный.

Въ типографіи огни были потушены, и только падалъ мутными полосами свѣтъ черезъ запыленные, грязныя окна, какія бываютъ только въ типографіяхъ.

Нѣсколько времени стояла мертвая тишина. Потомъ гдѣ-то подъ поломъ тихонько заскребла мышь. Убѣдившись, что всѣ ушли, она вылѣзла въ переднюю и торопливо принялась подбирать крошки, которыя оставались каждый день отъ завтрака Андреича,—это было единственное пропитаніе цѣлой мышиною семьи. Не ѣсть же типографскую краску или бумагу!.. Мышка была чрезвычайно довольна, что сегодня никого въ типографіи нѣтъ, и она можетъ свободно разгуливать по всѣмъ комнатамъ. Но когда она торопливо пробѣгала мимо кассы наборщиковъ, гдѣ лежали отдѣльныя буквы, послышался тоненькій-тоненькій голосокъ:

— Я... я... я... я!..

Мышка даже оторопѣла, когда въ отвѣтъ изъ всѣхъ отдѣленій кассы послышались всевозможные голоса:

— Э-э-э!..

— А-а-а!

— О-о-о!..

— И-и-и,—заикала одна буква, напрасно стараясь что-нибудь выговорить.—И-и-и...

Поднялся настоящій гвалтъ. Всѣхъ покрывалъ голосъ одной буквы, которая гудѣла, какъ фабричный свистокъ:

— У-ууууу...

— Господа, это невозможно!—старалась перекричать

всѣхъ буква Я.—Будемъ говорить по порядку, а то никто и ничего не пойметъ.

Всѣхъ проворнѣе оказалась буква Х, которая начала перебѣгать изъ одного отдѣленія кассы въ другое, при чемъ получались самыя странныя слова:

— Ахъ! Эхъ!.. Охъ! Ухъ!..

Закончилось это прыганье сначала тоненькимъ смѣхомъ: хи-хи-хи!.. а потомъ уже настоящимъ хохотомъ:

— Ха-ха-ха!.. Ох-хо-хо!..

Вообще, эта буква оказалась очень веселой, что обидѣло немного остальныхъ, лежавшихъ тихо и смирно. Ф перебѣжало къ сосѣду У, и вмѣстѣ они заворчали:

— Фу-фу-фу... Надъ чѣмъ здѣсь смѣются? Кажется, ничего еще смѣшного нѣтъ... Фу-фу!..

Всѣ буквы какъ-то разомъ повыскакали изъ своихъ кассъ и подняли уже настоящій гвалтъ. Онѣ прыгали, кувыркались и обнимались другъ съ другомъ. По самой срединѣ комнаты завязался горячій споръ.

— Да, да, да!..—кричали, обнявшись, Д и А.

— Нѣтъ, нѣтъ, нѣтъ! — еще громче кричали четыре буквы, изъ которыхъ состояло это слово.

Въ кассѣ оставались только двѣ буквы, о которыхъ какъ-то всѣ позабыли: толстая и жирная Оита и тощая, костлявая Ужица. Онѣ такъ рѣдко употреблялись въ наборѣ, что, кажется, совсѣмъ отвыкли двигаться, особенно Ужица. Оиту еще иногда тревожили, и она очень сердилась, что ее беспокоятъ.

— И для чего только меня, старуху, мучать? — ворчала она, попадая въ наборъ. — Есть у васъ Фергъ, ну и пусть его за меня послужить... Ему, франту, это все равно, да и ноги у него длинныя.

II.

Когда буквы ужъ очень расшумѣлись, изъ кассы послышалась строгая команда:

— Разъ! два! три... Кто тутъ шумить? Мы не любимъ безпорядка... По мѣстамъ, маршъ!..

— Что? гдѣ? какъ? почему?—спрашивалъ вопросительный знакъ, выглядывая изъ кассы.—Почему? гдѣ? какъ? что?

— Удивительно! — отвѣтилъ ему знакъ восклицательный. — Я ужъ давно смотрю, слушаю и удивляюсь... Да, удивительно!

За этими поднялись и всѣ знаки препинанія, причемъ бойчѣе другихъ оказалась кривобокая запятая. Она такъ и бросилась въ самую средину шумѣвшихъ буквъ и тоже кричала другимъ знакамъ препинанія:

— Братцы, сюда, скорѣе... Точка, ты вставай въ самомъ концѣ, у дверей, а двоеточіе встанетъ посрединѣ. Вотъ и будетъ порядокъ...

Появленіе знаковъ препинанія заставило всѣхъ притихнуть. Съ этими господами шутки, вообще, плохи—не то, что свинцовыя буквы, а и люди часто не могутъ съ ними справиться, т.-е. маленькіе, школьные люди.

Знаки препинанія быстро водворили порядокъ, и всѣ буквы соединились въ разныя слова. Раньше всякій кричалъ, что хотѣлъ, а теперь слышались уже понятныя слова и цѣлыя связныя рѣчи.

— Ну, вотъ теперь будетъ всѣмъ хорошо, — увѣряла запятая, помогая Оитѣ занять ея мѣсто. — Можно будетъ и поговорить...

— Что же, хорошо и поговорить, — согласились всѣ. — Цѣлый годъ работаемъ безъ устали... Швыряють-швыряють насъ изъ набора въ наборъ, намазываютъ этой отвратительной черной краской, давятъ подъ машиной, — самая каторжная жизнь!

— Я больше всего не люблю этой типографской краски, — ворчала Оита. — Помилуйте, возьмутъ и прямо всю физиономію вымажутъ. Желала бы я видѣть, что было бы, если бы нашему метранпажу раскрасить такъ лицо.

— И... и... и я терпѣть... и... не могу! — заикаясь, соглашалась буква И. — И... и... это... и... невѣжливо!..

— Позвольте, господа,—послышался хриплый голосъ изъ того отдѣленія, гдѣ стояли типографскія машины.— Эка бѣда, что намажутъ типографскою краскою,—намазали, а бумага все и вытерла. А вотъ вы бы попробовали по-

вертѣться, какъ я, — вертишься, вертишься, просто голова закружится.

— Это пустяки: вертѣться, — скромно заявила

бумага, лежавшая въ углу стопой.—А вотъ хуже всего, когда вы, такая бѣлая-бѣлая бумага, какъ снѣгъ, и вдругъ васъ запачкаютъ какими-то дурацкими каракулями. Всю запачкаютъ...

— Нѣтъ, ужъ кому скверно, такъ это мнѣ, — заявилъ

поршень изъ машины.—Ужъ я бѣгаю-бѣгаю, бѣгаю-бѣгаю... Просто до тошноты бѣгаю. Если бы не я, такъ вы бы всѣ, какъ мертвыя мухи, лежали. Все отъ меня... я одинъ за всѣхъ работаю... да!..

— Нѣтъ, ужъ позвольте, господа! — вступилась буква А, съ гордостью отставляя одну ногу впередь.— Не спорю, вы, конечно, работаете и много работаете, — и поршень, и колесо, и всѣ другія части машины. Если хотите, и бумага вѣдь тоже работаетъ, т. е. ее давятъ. Да... Но дѣло все-таки въ насъ, въ буквахъ.

— Да, да, да!..—хоромъ грянули всѣ буквы.

— Конечно, разныя есть буквы,—продолжало А.—Напримѣръ, «а» во всей кассѣ одно, а «е» цѣлыхъ три...

— Позвольте!—обидѣлась буква Ъ.—Я тоже «е», если хотите, но «е» самое строгое. И все-таки меня любятъ... Одинъ мальчикъ даже слово сметана писалъ черезъ ъ, потому что, какъ онъ объяснялъ, сметана черезъ ъ будетъ вкуснѣе.

— Ну, это наши семейныя дѣла,—уговаривало А расходившееся Ъ.—Дѣло не въ этомъ, господа... Конечно, насъ смазываютъ краской и порядочно-таки давятъ въ машинахъ, а все-таки, говоря откровенно, вся суть въ насъ. Я совсѣмъ не желаю хвастаться... Мы, конечно, чернорабочіе и на видъ бываемъ иногда очень не казисты, и, говоря между нами, наборщики могли бы обращаться съ нами повѣжливѣе.

— Вотъ это мило, когда ржаная каша сама себя начнетъ хвалить, — ворчалъ поршень. — А главное: скромно. Скажите, пожалуйста, вся суть въ какихъ-то каракуляхъ...

Маховое колесо обиженно молчало. Кажется, достаточно оно передалило этихъ свинцовыхъ хвастуновъ!... Другія части машинъ тоже слушали съ молчаливымъ презрѣніемъ.

Спрятавшаяся въ своей норкѣ мышка слышала всѣ эти споры и рѣшила вставить свое слово.

— Господа, позвольте, я объясню все... Вѣдь, я живу

главнымъ образомъ по ночамъ и знаю то, чего никто другой не знаетъ. О, когда одна половина міра спитъ,—другая работаетъ усиленно... Да. Ночная тишина создала величайшія мысли, которыя вы разносите по всему міру, и поэтому нѣтъ силы больше, чѣмъ ваша. Вы — величайшая и самая побѣдоносная изъ всѣхъ армій, какія когда-нибудь существовали. Да здравствуетъ черная армія! Ура!..

* *
*

Когда на другое утро сторожъ Андреичъ подметаль полы по всей типографіи, всѣ буквы смиренхонько лежали по своимъ мѣстамъ. На полу валялась одна Оита. Бѣдняга, благодаря своей толщинѣ, не успѣла прыгнуть въ кассу вмѣстѣ съ другими.

— Тоже и буква называется... — ворчалъ Андреичъ, поднимая ее съ полу.—Ну, полѣзай на свое мѣсто, глупая!.. Вотъ уже Павель-то Иванычъ придетъ, онъ всѣхъ васъ разберетъ въ лучшемъ видѣ...

Д. Максимъ Сидоренко

